Е. А. Окладникова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРТЕФАКТ В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Актуальность темы обусловлена современной стратегией обновления образования: необходимостью выполнения важной задачи образовательной системы — оказание помощи и поддержки при вхождении школьников в мир социального опыта. Целью статьи является анализ социализирующих аспектов этнографического артефакта (традиционной русской обрядовой куклы-кукушки) в педагогической практике широкого профиля. Использование этнографических артефактов в качестве дидактического материала открывает новые возможности на пути пересмотра традиционных форм и методов воспитательной деятельности, модернизации подходов к формированию ресурсной базы, внедрения передовых технологий; заставляет по-новому сформулировать планируемые результаты школьного воспитания и воспитания студентов. С помощью этого дидактического материала перед педагогами открываются новые возможности социализации — ввода учащихся в пространство реального социального преобразования: не только включение их в разные формы социального взаимодействия, но и продвижение по пути совершенствования социума.

Ключевые слова: этнографический артефакт, инновационные педагогические технологии, народная культура, оптимизация социального поведения школьника.

E. Okladnikova

ETHNOGRAPHIC ARTIFACT IN THE SYSTEM OF INNOVATIVE PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES OF PERSONAL DEVELOPMENT

The Relevance of the topic is due to the modern strategy of education renewal: the need to perform an important task of the educational system — to provide assistance and support in entering the world of social experience. The aim of the article is to analyze the socializing aspects of the ethnographic artifact (traditional Russian ritual cuckoo doll) in the pedagogical practice of a wide profile. The use of ethnographic artifacts as didactic material opens up new opportunities for the revision of traditional forms and methods of educational activities, modernization of approaches to the formation of the resource base, the introduction of advanced technologies; forces a new formulation of the planned results of school education and upbringing of students. With the help of this didactic material new opportunities of socialization are opened for teachers — entering students into the space of real social transformation: not only their inclusion in different forms of social interaction, but also progress towards the improvement of society.

Keywords: ethnographic artifact, innovative pedagogical technologies, folk culture, optimization of social behavior of school children.

Педагогическую составляющую настоящей работы вдохновили идеи об инновационной педагогике, сформулированные в трудах И. А. Колесниковой, А. Пинского, а также социально-педагогические теории, в частности теории социального воспитания, социального развития и социализации личности Б. В. Куприянова, И. А. Липского, Т. А. Ромма.

В статье дается ответ на вопрос: зачем нам сегодня нужен такой этнографический музейный артефакт, как кукла-кукушка, предмет обрядовой традиционной русской культуры Центральной России? Этот во-

прос рассматривался на ежегодной международной научно-практической конференции «Homo Eurasicus: в системе социальных и экологических связей», проходившей 24 октября 2017 года в РГПУ им. А. И. Герцена. К работе конференции был приурочен мастер-класс собирательницы традиционного русского текстиля, мастера традиционной тряпичной куклы Калужского областного научно-методического центра народного творчества Ж. Ф. Столярской. С 1995 года Жанна Федоровна занимается традиционной куклой, в последние годы специализируется на куклах, которые были распространены в Калужском регионе и пограничных территориях (Брянской, Тульской, Липецкой, Тамбовской, Смоленской).

С Жанной Федоровной автор настоящей статьи познакомилась на Фольклорном фестивале в г. Выборге светлым летним днем на излете лета 2017 года. Фестиваль проходил на рыночной площади, где организаторы сделали две публичные арены. Одна располагалась у Белой башни и была предназначена для выступлений песенных коллективов из Финляндии и России. Вторая же помещалась в парке. Там было выделено место для выступления русских фольклорных коллективов. Рядом разбили свои палатки мастера народных промыслов. В одной из таких палаток я увидела женщину, в руках которой мелькали разноцветные лоскутки, через пару минут превращавшиеся в знаменитых тряпичных кукол. Никаких иголок, никаких ниток, только лоскутки и веревочки. Женщина громко и убедительно рассказывала о куклах, сопровождая каждое свое движение объяснениями, суть которых включала информацию, далеко выходившую за рамки текущего момента — изготовления конкретной тряпичной куклы. Я прислушалась. Меня привлекли не только приемы создания куклы, но и содержание беседы мастерицы с окружавшей ее публикой. Это был рассказ с показом. Разговор шел об изготовлении не простой тряпичной куклы, речь шла о загадочной кукле-кукушке. Более того, о кукле, которая была главным сакральным артефактом в процессе обряда похорон кукушки.

Выступление Ж. Ф. Столярской на конференции «Homo Eurasicus: в системе социальных и экологических связей» было вписано в автобиографическую канву ее жизни. Она рассказала, что интерес к кукле у нее возник не случайно. Десять лет своей жизни Жанна Федоровна посвятила школе, где в начальных классах преподавала народную культуру. Эту деятельность она оценивает как личный подвиг и подвиг для тех детей, которые слушали ее уроки. Дело в том, что дети были выходцами из современных, сугубо светских семей. Они, конечно, знали, что такое валенки и квашеная капуста. Они даже могли выпить чай с баранками. Но никогда никто из них не задумывался, какова символика обычных русских баранок, насколько тесно эта символика связана с солярным культом древних славян. Что же было делать? С чего начать преподавание? И она решила начать с куклы. Почему с куклы? Потому что кукла — это уникальный дидактический материал для младших школьников, которые еще одной ногой в детстве. Кукла — это универсальный предмет дидактики, то есть средство обучения и воспитания школьника. Кукла может быть использована на уроках родной речи: школьника младших классов можно на примере куклы учить правописанию, а можно учить основам народной культуры (рассказать о древней и традиционной обрядности вокруг народной куклы, научить делать куклу, одевать куклу и т. п.). Но что мы, современные жители мегалополисов и городских агломераций, знаем о кукле? Что мы знаем о традиционной обрядности, в которую этот феномен древней русской традиции был вписан? Что мы помним об этой обрядности? Кто из нас умеет делать такую куклу и тем более рассказать маленьким детям, ученикам начальной школы, что это такое — традиционная русская народная кукла?

На этом этапе своей педагогической практики у Ж. Ф. Столярской зародился серьезный интерес к кукле как феномену русской традиционной культуры. С целью удовлетворить этот интерес она стала ездить в экспедиции по Калужской и сопредельным областям. Там, по деревням, она общалась с бабушками, которые знали куклу, умели ее делать и, что самое главное, были ментально погружены в мир традиционной обрядности, связанный с куклой. Общение с бабушками многому научило Жанну Федоровну. В ходе бесед постепенно выявлялись все новые и новые яркие подробности, возникали загадочные ситуации, разрешить которые можно было только в процессе дальнейших исследований и путешествий. Одной из таких требовавших объяснений загадочных ситуаций стала та, в которой бабушки, создававшие на глазах Столярской кукол из палочек и тряпочек, вдруг, неожиданно отводили глаза в сторону и таинственным голосом сообщали: *«...а я еще куклу-кукушку делать умею»*. Что это за загадочная «кукла-кукушка»? Никто исследовательнице на первых порах не объяснял. Многие ли из нас так сразу вспомнят, что такое кукла-кукушка? Многие ли из нас вообще слышали о таком типе русских народных кукол?

Для темы настоящей статьи — кукла в инновационных педагогических технологиях — интересен и тот факт, что позднее, когда Столярская уже начала выступать по всей стране с мастер-классами на тему «Похороны кукушки», она столкнулась со следующей ситуацией. Мастер-классы по изготовлению вепсской куклы, куклы Зернушки везде, в Санкт-Петербурге, Томске и других городах России, идут на «ура». Такие мастер-классы привлекают массу слушателей. Мастер-классы по изготовлению тряпичных кукол входят в туристические программы. А вот мастер-классы по кукле-кукушке популярностью не пользуются. Более того, этим типом куклы мало кто интересуется сегодня.

На самом деле оказалось, что кукла-кукушка, так же как и связанная с нею обрядность, тем или иным образом были известны каждому русскому человеку, каждая девочка так или иначе была вовлечена в эту обрядность в детстве и отрочестве [9]. Если сегодня спросить у сельских и городских жителей больших урбанистических агломераций России, слыхали ли они об обряде похорон кукушки, или сами в нем участвовали, на 99% ответ будет отрицательным. А вот если спросить у них, *играли ли они в детстве в игру под названием «Секрет»*, результат опроса будет обратным. Большинство из женской части респондентов ответят «*да, конечно, играли*». Автор этой статьи также входит в состав этого большинства. Так, летом, которое я в детстве проводила с мамой в пригороде Санкт-Петербурга, в пос. Комарово, мои 5–7-летние подружки впервые вовлекли меня в эту игру, с таинственным видом сообщив, что собираются делать «Секреты». Для этого нужно было пойти на опушку ближайшего леса, вырыть ямку в земле в корнях березы, положить в ямку цветы, листья, кусочки фольги от конфет, обрывки цветной материи, то есть сделать так, *«чтобы было красиво»*. Затем, прикрыть ямку с «ценностями» стеклом и засыпать созданную «конструкцию» землей. Информацию о «Секрете» среди непосвященных (мальчишек, родителей, знакомых старшего возраста и т. п.) распространять было нельзя. Спустя некоторое время (как правило, около недели) мы с подружками шли к месту, где был оставлен «Секрет» с целью найти его, то есть раскопать и уничтожить.

Более того, в раннем детстве мы с мамой ходили на прогулки в тот же самый комаровский лес. По весне мама регулярно показывала мне некую травку, которую называла «кукушкины слезки». Показывала многозначительно. Но после этого в нашей с мамой беседе всегда возникала фигура умолчания, которую мое детское сознание могло истолковывать по-разному. Здесь

необходимо характеризовать личность говорившего. Мама была немногословным человеком. Сознание ее было рациональным, но душа утонченной и творческой. Боковым зрением отслеживая ее мимику, движения тела, учитывая длину паузы, саму атмосферу таинственности, в которой мама произносила название травки, я понимала эту фигуру умолчания следующим образом: существует некая отсылка к какой-то закрытой информации. Причина сокрытия информации так и осталась для меня не известной. Могу предположить, что мама знала какую-то часть традиционной натурфилософской мифологии, связанной с «кукушкиными слезками», например, ту ее часть, в которой объяснялось лекарственное назначение корня ятрышника («кукушкиных слезок») в народной медицине, ее связь со знахарскими практиками культа плодородия. Но зачем посвящать в это малолетнего ребенка? Тем более что эти знахарские практики касались вопросов репродукции (увеличения мужской потенции, стимуляции или прекращения регул у женщин).

Во время мастер-класса, проходившего на конференции «Homo Eurasicus: в системе социальных и экологических связей», я спросила своих молодых коллег-магистранток, знакома ли им была эта игра. Оказалось, что практически все девушки в возрасте 20–30 лет о ней знали. В то же время обряд похорон кукушки до мастер-класса Ж. Ф. Столярской им известен не был. А ведь игра в «Секреты» — это редуцированная форма обрядности крещения и похорон кукушки, ее прямое продолжение! Об этой обрядности стоит рассказать подробнее.

По времени традиционного русского аграрного календаря обрядность похорон кукушки приурочена в русской культуре к Троице, то есть является постпасхальной. В Калужской, Смоленской, Тульской, Орловской, Белгородской и других областях Центральной России на завершающей стадии пасхальной обрядности, то есть на пятой неделе после Пасхи, крестьянки оправлялись после церковной службы в лес [5]. На опушке женщины и девушки деревни совершали обряд похорон кукушки. Часть женщин, в основном молодые, вдохновленные старшими по возрасту наставницами, отправлялись в чащу на поиски «волшебной» травки — ятрышника пятнистого, или «кукушкиных слезок». Сами «бабки» в лес не ходили. Для того чтобы найти нужную для изготовления куклы травку, требовались молодые ноги и зоркие глаза. А кто лучше юных девушек справится с такой работой? Из собранной травки готовили лекарственные снадобья, а часть растений шла на изготовление новой куклы-кукушки, то есть куклы, которая будет использована в обряде похорон кукушки в ходе постпасхальной обрядности в следующем году.

По сути дела, кукла-кукушка исполняет роль настоящего орнитоморфного двойника человека. Иногда основу куклы делали из деревяшки, обмотанной рыбачьей сетью. Рыбачья сеть — неотъемлемый атрибут традиционной русской свадебной обрядности в Олонецкой губернии. Ноги куклы-кукушки создавали из двух тонких палочек, на концы которых надевали красные сапожки на каблуках. Облачив куклу в белую нижнюю рубаху, сверху на нее надевали платье (или сарафан). Белая рубаха — еще одна символическая отсылка к похоронному (по своей символике — реинкарнационному) обряду. Обряд крещения и похорон кукушки можно считать реинкарнационным, так как в его процессе хоронили детский (девичий, 13–20 лет) статус крестьянской женщины, символически в обряде получавшей новый социальный статус — молодой женщины (молодухи, 21–42 года). Так живой двойник куклы-кукушки — юная крестьянка приобретала новый социальный статус после обряда. Она символически становилась (рождалась в обряде) женщиной. На голову вновь созданной кукле-кукушке, мифическому двойнику молодой крестьянки, мастерица обязатель-

но повязывала красный платочек — атрибут праздничного (свадебного) костюма, символ молодости и красоты. Только после того как процесс изготовления куклы был завершен, на белой материи лица куклы мастерица рисовала круглые птичьи глаза (или еще более страшные, обозначенные двумя вписанными друг в друга окружностями, — *рыбьи*), крючковатый птичий нос и небольшой антропоморфный рот.

В коллекциях этнографических музеев сегодня можно увидеть три разновидности кукол-кукушек, использовавшихся в обрядах. Каждая из разновидностей кукол этого типа, облаченная в соответствующий каждому возрасту человека наряд, указывала на наличие половозрастной стратификации в традиционной русской культуре. Каждая возрастная категория женщин и мужчин в традиционном русском обществе пользовалась своей особой социальной репутацией и выполняла свою общественную функцию. Наглядное знакомство с этим социальным механизмом традиционного общества у молодых крестьянских девушек происходило именно с помощью кукол-кукушек в период постпасхальной обрядности. Первый половозрастной тип был представлен в обряде куклой в красном платочке, тонконогой, с косой (символ статуса очень молодой девушки, девочки). Второй половозрастной тип — кукла-кукушка, символизирующая статус молодой замужней женщины. Третий половозрастной тип — старая женщина, в черном вдовьем платочке. Иными словами, обряд похорон кукушки — это, несомненно, переходный обряд, закреплявший систему женских социальных статусов в традиционном обществе.

Возможно, что эта социальная функция обряда уходит в еще более глубокую древность, чем мы себе можем сегодня представить. Я имею в виду культуру каменного века Евразии. Свидетельством тому могут служить основные темы палеолитического искусства Евразии — «Любовь» и «Смерть». Тему смерти олицетворяли многочисленные изображения животных, ославленные первобытными художниками на стенах знаменитых палеолитических пещер Франции и Испании (Фон-де-Гом, Ляско, Альтамира и др.). Исследователи палеолитического искусства полагали, что олицетворениями темы любви, деторождения, продолжения рода, плодородия были изображения женщин. Уникальные женские фигуры, так называемые палеолитические Венеры, являются символами Великих матерей-прародительниц западноевропейского палеолита.

Тщательный анализ скульптурных изображений палеолитических Венер древнего европейского искусства позволил составить классификацию этих уникальных артефактов, разделив их на две крупные группы: 1) изображения пышнотелых женщин зрелого возраста, много рожавших и, вероятно, умудренных жизненным опытом, уважаемых членами их рода, 2) молодые девушки со стройными утонченными телами, еще не испытавшие бремени материнских забот. Спустя века традиция изображать два типа женщин, представляя их в образах женских божеств, связанных с культом плодородия, сохранилась и у земледельческого населения Трипольской культуры, послужившей истоком культуры славянских племен Центральной России.

Сквозь века и поколения именно этот набор социальных статусов и связанных с ними социальных ролей в системе женского традиционного сообщества (девочка, девушка, молодуха, бабка), демонстрирует нам кукла-кукушка в традиционной обрядности крещения и похорон кукушки. Обряд этот был чисто женским. В нем принимали участие как пожилые, так и молодые женщины. По сути своей это был древний обряд возрастной инициации девушек деревни.

Обрядность крещения и похорон кукушки высвечивает несколько важных функций, поддерживавших существование традиционной социальной системы.

Этноидентификационная функция. Этнографы [1, 4, 7, 8, 10, 11] выяснили, что

обрядность похорон кукушки охватывает конкретный ареал, а именно ареал расселения вятичей. Поэтому все представители женского сообщества, которые принимали участие в этом обряде, являлись представителями одного из этносов, позднее сформировавших основу русской народности. Обязательным был ритуал кумления, то есть совершения обряда побратимства, обряда заключения связей символического родства, которые позднее могли иметь реальное продолжение в процессе заключения брачных союзов между членами «покумленных социальных сообществ» — кланов, семей.

Связь с культом плодородия. Образ птицы в мифологии народов мира так или иначе был связан и идеей реинкарнации жизни. Начиная с образа птицы-ныряльщицы в космологической мифологии народов индоевропейского круга, орнитоморфного образа Великой богини-матери (вавилонская богиня Иштар в образе птицы, Великая богиня-мать в гнезде на мировом дереве Древнего Египта, древнегреческая Персефона — богиня умирающей и воскресающей природы, то есть греческий аналог Озириса) и кончая голубем мира (знаменитый рисунок П. Пикассо) и кукушкой с мифом о ней в интерпретации народного фольклора. Согласно этой поздней интерпретации ятрышник («кукушкины слезки») получил свое название от женщины — матери трех сыновей. Мать ухаживала за сыновьями, но, когда она заболела, сыновья не стали ей помогать. Женщина обиделась, бросила их на произвол судьбы, обернулась кукушкой и навсегда их покинула.

Взрослые женщины руководили весенней обрядностью (организовывали весну), ибо считалось, что именно весна, а не пашня кормит весь год. Именно взрослые женщины призывали (пели соответствующие песни) и кормили (пекли обрядовые хлебцы и печенье) весну. Кульминацией серии обрядовых действий, способствовавших приходу весны, были ритуальные действия на вспаханном и засеянном женщинами поле. Обряд крещения и похорон кукушки символизировал ритуальные проводы весны. Так, в Нижегородской губернии был обычай делать из травы куклу, украшать ее цветами, целый день водить хороводы, а к вечеру с шутками и прибаутками разрывать ее на кусочки. Иногда наряжали в женский костюм березу, бросали ее в воду и смотрели: если всплывет — год будет урожайным; если утонет — год будет неурожайным [2, с. 175]. «В петровское заговенье *хоронили весну:* делали куклу, клали на носилки, несли в поле и там трепали» [10, с. 237–245]. В некоторых местностях Лукояновского и Починковского районов (Горьковская область) до настоящего времени сохраняется обряд *похорон соловушки* (или *весны),* совершаемый на петровское заговенье. Наряженный шест или куклу из лопухов украшают венком, с пением несут в ржаное поле, водят вокруг него хороводы и бросают. «Соловушку» вырезали также из дерева «в виде птицы без крыльев», насаживали на шест, обвивали зеленью и несли в жито с песней «Провожали мы соловушку», чучело оставляли или разрывали в поле. По другим сведениям, соловушку делали «на человека похожего». В похоронах участвовали женщины и девушки, парни пытались отбить «соловушку», хлеща исполнительниц крапивой [2, с. 176]. В Пензенской губернии в XIX веке на второй-третий день пятидесятницы происходили *похороны Горюна:* «Молодежь устраивает соломенное чучело и после разных игр бросается с ним в воду» [2, с. 176].

Социализирующая функция. На эту функцию указывают: а) время проведения обряда — переход от весны к лету; б) участие в обряде женщин всех возрастов — от девочек, молодух до старух; в) символические похороны — умирает девушка, а рождается женщина; причем похороны и рождение носят статусный, ролевой, сугубо символический характер; г) также на социализирующую функцию обряда крещения

и похорон кукушки указывает его игровая часть, в которой куклу-кукушку в момент обряда участницы перебрасывают друг другу. Аналог такой игры мы можем наблюдать в современной свадебной обрядности — «букет невесты». Игра в русской крестьянской традиции понималась широко. Игрой обозначался весь образ жизни молодежи, включавший труд и сопутствующие ему забавы. Игрой также обозначался свадебный процесс, так как взрослое население играло для молодежи свадебное торжество. Именно в играх с участием молодежи этнографы выявляли и описывали многие архаические сакральные моменты.

Проблему взаимоотношений поколений в традиционной русской культуре изучали этнографы [2, 3]. Особое внимание социально-антропологическому контексту этой проблематики уделили участники проекта «Этнография детства», осуществленного в 1980-х годах под руководством И. С. Кона [6, 12]. Обрядовые практики, включая обрядность крещения и похорон кукушки, в традиционном мировоззрении русского населения Центральной России были вписаны в космический цикл, социальные процессы ощущались как одно из звеньев космической структуры. В этой системе символических координат кукла-кукушка была образом сразу нескольких социальных представлений: половозрастных, социально-ролевых, производственно-функциональных, мировоззренческих и мифопоэтических. Кукушка — это птица, на крыльях которой приходит весна. Она — вестник и носитель этого времени года. Кроме того, птица, особенно кукушка с ее «золотым голосом», считалась олицетворением духов-предков. Кормление птиц (разбрасывание пищи на засеянных полях) являлось составной частью весенних обрядов в традиционной русской культуре.

Конечно, обряд крещения и похорон кукушки, даже превратившийся в детскую забаву, сохранил ореол таинственности. Этим он стал притягателен для людей, которые сегодня, будучи не удовлетворены достижениями глобализации, унифицирующей, усредняющей, выхолащивающей душу культурой городов, стараются его по-своему реконструировать. Этот обряд реконструируется весьма своеобразно. В некоторых случаях реконструкторы ошибочно начинают вносить в обряд элементы эзотерики и мистицизма, смешивая понятия «кукла-кукушка» и «оберег». Тем не менее кукла-кукушка сегодня для нас, людей современного информационного, массового общества, не может и не должна быть мистическим объектом. Слишком сильно в нас картезианское мышление. Не верим мы в духов природы, духов леса, оборотней, то есть во все то, во что верили наши далекие предки, носители языческого мировоззрения.

Таким образом, подводя итог сказанному выше, стоит ответить на вопрос: зачем нам сегодня нужна кукла-кукушка? Одним из ответов на этот вопрос может стать утверждение, что как этнографический артефакт сама кукла и связанная с нею обрядность могут дать ответ на важные мировоззренческие вопросы. Такими вопросами для каждого из нас сегодня являются следующие: «Кто мы?», «Откуда мы?» и «Куда мы идем?» Этнографические артефакты и связанные с ними процессы обладают объяснительным научным потенциалом. Этот потенциал позволяет ученым «расколдовывать» таинство этноидентификационных, социализационных (обряды перехода в женской культуре), мифологических (культ плодородия) практик традиционной русской культуры.

Научные разработки, полевые исследования, осмысление накопленного научного опыта сплачивают нас как общество на гораздо более широкой платформе, чем русские, славяне или «русский мир». Изучение традиционной русской обрядности, в частности обряда похорон кукушки, возвращает нас к мысли о наших общеевразийских индоевропейских корнях. Эти мысли особенно важны и уместны сегодня, в Год экологии. Наша сила — в нашем единстве

как народов Евразии, знающих глубины своей истории, а потому имеющих опыт поколений в поддержании баланса сил взаимодействия общества и природы, то есть народов, стоящих на страже баланса сил, удерживающих экологическое равновесие в отношениях природа — человек.

С точки зрения инновационных педагогических технологий поиска путей формирования творческого мышления учащихся, их патриотического воспитания были рассмотрены некоторые педагогические стратегии, реализация которых возможна с использованием этнографических артефактов, в частности куклы-кукушки. Например, в стратегии системного подхода этнографический артефакт «работает» как функциональный и оптимальный педагогический ресурс. В стратегии открытого образования этнографический артефакт расширяет информационные (научные) связи просветительской работы учителя и достижения современной гуманитарной науки (в частности, этнологии и этнографии). Использование этнографических артефактов открывает возможности для применения стратегии непрерывного роста педагога, расширяя для него горизонты самообразования и инновационной предметной деятельности. Стратегия практико-ориентированного подхода в организации воспитательного процесса реализуется через использование педагогической практики тезауруса русской народной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернштам Т. А.* Обряд «крещение и похороны кукушки» // Сборник МАЭ. Т. 37: Материальная культура и мифология / под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1981. С. 181.
2. *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1988. С. 176.
3. *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: Наука, 1986.
4. *Журавлева Е. А.* Похороны кукушки // Живая старина. 1994. № 4. С. 31–32.
5. *Зимина Т.* Крещение и похороны кукушки // http://www.ethnomuseum.ru/kreshchenie-i-pohorony-kukushki
6. *Кон И. С.* Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 34–45.
7. *Никитина А. В.* «Сестрица моя, покукуй по мне...» // http://folk.ru/Research/Conf_2002/nikitina.php
8. *Пашина О. А.* Похороны кукушки и проводы русалки: Обряды весенне-летнего пограничья Восточной Брянщины // Мифологические представления в народном творчестве. М., 1993. С. 27–49.
9. Полевые записи автора. СПб., 2017.
10. *Русанова Н.* Обряд «крещения и похорон кукушки» в Белгородской обл. // Фольклор и литература: проблемы изучения: сб. ст. Воронеж, 2001. С. 237–245.
11. *Смирнов В. А.* Обряд «крещение и похороны кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян // Фольклор и историческая действительность. Л.: Наука, 1981.
12. Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии: сб. ст. М., 1983.

REFERENCES

1. *Bernshtam T. A.* Obryad «kreschenie i pohoronyi kukushki» // Sbornik MAE. T. 37: Materialnaya kultura i mifologiya / pod red. B. N. Putilova. L.: Nauka, 1981. S. 181.
2. *Bernshtam T. A.* Molodezh v obryadovoy zhizni russkoy obschinyi XIX — nachala HH veka. L.: Nauka, 1988. S. 176.
3. *Gromyiko M. M.* Traditsionnyie normyi povedeniya i formyi obscheniya russkih krestyan XIX veka. M.: Nauka, 1986.
4. *Zhuravleva E. A.* Pohoronyi kukushki // Zhivaya starina. 1994. N 4. S. 31–32.
5. *Zimina T.* Kreschenie i pohoronyi kukushki // http://www.ethnomuseum.ru/kreshchenie-i-pohorony-kukushki

6. *Kon I. S.* Vozrastnyie kategorii v naukah o cheloveke i obschestve // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1978. N 3. S. 34–45.
7. *Nikitina A. V.* «Sestritsa moya, pokukuy po mne...» // http://folk.ru/Research/Conf_2002/nikitina.php
8. *Pashina O. A.* Pohoronyi kukushki i provodyi rusalki: Obryadyi vesenne-letnego pogranichya Vostochnoy Bryanschinyi // Mifologicheskie predstavleniya v narodnom tvorchestve. M., 1993. S. 27–49.
9. Polevyie zapisi avtora. SPb., 2017.
10. *Rusanova N.* Obryad «krescheniya i pohoron kukushki» v Belgorodskoy obl. // Folklor i literatura: problemyi izucheniya: sb. st. Voronezh, 2001. S. 237–245.
11. *Smirnov V. A.* Obryad «kreschenie i pohoronyi kukushki» i kupalskaya obryadovaya poeziya vostochnyih slavyan // Folklor i istoricheskaya deystvitelnost. L.: Nauka, 1981.
12. Etnografiya detstva: Traditsionnyie formyi vospitaniya detey i podrostkov u narodov Peredney i Yuzhnoy Azii: sb. st. M., 1983.

Н. Н. Суртаева

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В данной статье рассматриваются вопросы эффективного социального взаимодействия, понятийный конструкт социального действия, факторы, влияющие на его эффективность в условиях системных изменений применительно к педагогическому труду в образовательном пространстве. Затрагиваются вопросы особенностей субъектов образовательного процесса (родители, педагоги) и дифференциации по социальному статусу.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, образовательное пространство, системные изменения, эффективное взаимодействие, факторы, социальное действие.

N. Surtaeva

FACTORS FOR EFFECTIVE SOCIAL INTERACTION OF SUBJECTS OF EDUCATIONAL SPACE IN THE CONDITIONS OF SYSTEM CHANGES

This article discusses effective social interaction, the conceptual construct of social action, factors influencing its effectiveness in the context of system changes in relation to the teaching work in the educational space. Addresses the issues of features of subjects of educational process (parents, teachers) differentiation in the social status.

Keywords: social interaction, educational environment, system change, effective communication, factors, and social action.

Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается «человек в человеке» как для других, так и для себя.

М. М. Бахтин

На современном этапе происходят существенные изменения практически во всех сферах жизнедеятельности, которые затрагивают одно из составляющих этих сфер — социальное взаимодействие. Социальное взаимодействие можно рассматри-